Научная статья
https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-11-12
УДК 316.334.3

Attribution
cc by

ОБЩЕСТВО БЛАГОСОСТОЯНИЯ КАК АЛЬТЕРНАТИВА ГОСУДАРСТВУ БЛАГОСОСТОЯНИЯ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ.

Подольский В.А.
Государственный академический университет гуманитарных наук

Аннотация. *В качестве одного из вариантов ответа на вызовы конца XX-начала XXI века в сфере социальной политики теоретики выдвигали концепции «общества благосостояния», то есть дополнения или замещения государственных инструментов перераспределения негосударственными. Цель. Проверить, применимы ли принципы, предложенные в рамках концепций «общества благосостояния». В статье проведено исследование эффективности государственного и негосударственного перераспределения в сферах пенсионного обеспечения и здравоохранения, влияние организационных форм на неравенство, бедность, безработицу, доступность благ и услуг, а также влияние организационных форм на социальные и политические показатели: гражданское участие, солидарность, поддержку правящих сил. Результаты. В большинстве случаев качество здравоохранения выше, а уровень неравенства и бедности ниже в странах с государственными программами перераспределения, что способствует социальной стабильности, но также создаёт и политические риски, поскольку резкое сокращение обязательств государства воспринимается гражданами чрезвычайно болезненно. Уровень развития волонтёрства положительно влияет на уровень доверия в обществе, но это влияние нередко не срабатывает среди маргинализированных групп, где повышение уровня сплочённости и социальная поддержка зачастую нужнее всего. Выводы. Концепция «общества благосостояния» может быть признана состоятельной и применимой для адаптации социальной политики к современным вызовам, но с существенными ограничениями и только как дополнение и развитие государственных социальных программ.*

Ключевые слова: *социальная политика, государство благосостояния, общество благосостояния, перераспределение, здравоохранение, пенсии, неравенство, волонтёрство*

Финансирование: *Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № FZNF- 2026-0003 «Взаимодействие историко-культурных традиций и глобальных тенденций: устойчивость и трансформации ценностей в мировой истории»).*

Original article

WELFARE SOCIETY AS AN ALTERNATIVE FOR THE WELFARE SOCIETY: FEATURES AND PROSPECTS.

Vadim A. Podolskiy
State Academic University for the Humanities

Abstract. *Introduction. As one response to the challenges for the welfare state in late 20th-early 21st century, theorists have proposed the concept of a "welfare society." The core idea of the concepts suggests supplementing or replacing state redistribution with non-government redistribution. Objectives. To test the applicability of the principles proposed within the framework of the "welfare society" concept. Methods. We examine the effectiveness of state and non-state redistribution in the areas of pension provision and healthcare, the impact of organizational forms on inequality, poverty, unemployment, access to goods and services, as well as the impact of organizational forms on social and political indicators: civic participation, solidarity, and support for the ruling powers. Results. In most cases the quality of healthcare is higher, and inequality and poverty levels are lower in countries with state redistribution programs, which contributes to social stability, but also creates political risks, for a rapid reduction of the state's obligations is perceived extremely negative by the citizens. The level of volunteering development positively affects the level of trust in the society, but this trust often does not work among marginalized groups, where increase of social cohesion and social support commonly are most needed. Conclusions. The concept of a "welfare society" can be recognized as valid and applicable for adapting social policy to modern challenges, but with significant limitations and only as complementary means for state social programs.*

Keywords: *social policy, welfare state, welfare society, redistribution, healthcare, pensions, inequality, volunteering*

Funding*: The article is prepared at the State Academic University for the Humanities as part of fulfillment of the State Assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (theme № FZNF- 2026-0003 "The Interaction Between Historical-Cultural Traditions and Global Trends: The Resilience and Transformation of Values in World History").*

Введение.

© Подольский В.А., 2026

Кризис государства благосостояния широко обсуждается в академической и политической среде с конца XX века. Из-за старения населения и притока мигрантов в Европе и США растёт спрос на социальную поддержку, но возможности государств по расширению социальных программ ограничены из-за переноса производства в Азию, снижения темпов экономического роста, и в случае с США, Британией, Францией, Италией и Японией, высокого уровня государственного долга [37, p. 32]. В литературе, особенно американской, в 1970-1980-е годы широко распространилось мнение, что частные организации могут решать социальные задачи лучше, чем государство. Использование термина «общество благосостояния» для обозначения альтернативы «государству благосостояния» началось в 1970-е годы в Нидерландах, Японии и Британии.

Обсуждение.

Хотя обсуждение эффективности социальной политики в свете снижения темпов экономического роста распространено чрезвычайно широко в академическом и политическом дискурсе [5; 33], корпус работ, в которых предлагается развёрнутая концептуализация общества благосостояния, сравнительно невелик.

В Нидерландах и Японии термин отсылал к местным особенностям организации социальной политики.

В случае с Нидерландами «общество благосостояния» означает частные инициативы, благотворительность, в том числе религиозных организаций [13].

В случае с Японией – общество благосостояния предполагает самопомощь граждан, а государственное участие играет вспомогательную роль [48].

Внимание одного из крупнейших социальных реформаторов XX века У. Бевериджа к дружеским сообществам дало Б. Харрису основание озаглавить статью «Социальное обеспечение, полная занятость и добровольная деятельность: три столпа общества благосостояния Уильяма Бевериджа» [25], но сам термин «общество благосостояния» в Британии ввёл в оборот В. Робсон, известный теоретик государственного управления. Он предлагал политическое различение, когда говорил о государстве благосостояния как о решениях государственных органов, а об обществе благосостояния – как о запросах граждан. В книге Робсона общество благосостояния описывается скорее как желаемое благополучие во всех сферах жизни, включая экологию, чем как обновление принципов организации перераспределения, хотя он и говорит о демократическом участии в принятии решений [43].

Более измеримый вариант разделения терминов «государство благосостояния» и «общество благосостояния» – это предлагаемая некоторыми исследователями классификация стран по объёму государственного перераспределения при решении задач социальной политики.

«Государствами благосостояния» в этом подходе называются страны с масштабными государственными социальными программами, как скандинавские страны, «обществами» – страны, в которых перераспределение осуществляется негосударственными акторами, как США [34].

Проблемам и вызовам, связанным с низкой ролью государства в американской социальной политике, посвящена статья Т. Скочпол [46].

Оценка политического смысла британской идеи «общества участия» в конъюнктуре партийной конкуренции предложена в работе О.В. Охошина [4].

В России об обществе благосостояния, которое должно сменить государство благосостояния посредством расширения сети добровольных организаций, предоставляющих социальные услуги, писал Н.И. Лапин [3].

Обзор особенностей деятельности негосударственных акторов в социальной сфере в России представлен в работе И.А. Григорьевой и О.А. Парфёновой [1].

Наиболее подробное осмысление государства благосостояния и общества благосостояния как организационных принципов и концепций предложено в работе Дж. Роджера «От государства благосостояния к обществу благосостояния. Изменяющийся контекст социальной политики в эру постмодерна». В этой работе показаны изменения конца XX века, а именно изменение структуры и характера занятости, выход женщин на рынок труда, снижение членства в устоявшихся общественных объединениях, становление общества потребления, и сравниваются два подхода к достижению благосостояния и их ограничения. Согласно одному, государство должно менять общественное сознание и воплощать альтруизм с помощью социальных программ, что сопряжено с фискальными проблемами. Согласно другому, достижение общества благосостояния связано с развитием отношений между людьми, в частности, систем взаимопомощи, что затруднено из-за противоречий между необходимостью активного участия и спросом на пассивное потребление [44].

В. Волтерс в рассуждении о распространившемся в конце XX века подходе активирующей социальной политики говорит о различии между мерами «активного общества», которые стремились вовлечь граждан, и старыми правилами, как «законы о бедных», которые отделяли получателей помощи [53].

Концепция общества благосостояния, следовательно, связана не только с темой замены государственного перераспределения негосударственным, но и с темой изменения общественных отношений.

Вопрос о состоятельности концепции «общества благосостояния» как ответа на те вызовы, с которыми сталкивается современное государство благосостояния, и как системы преобразования ресурсов в результаты поэтому должен решаться в двух смыслах.

В политико-философском смысле должно оцениваться значение общества благосостояния для воплощения ценностей и принципов, которые перечисляются в рамках этого подхода как ключевые: гражданское участие, солидарность, формирование горизонтальных связей.

© Подольский В.А., 2026

В прикладном смысле должно оцениваться влияние организационных форм, характерных для общества благосостояния, на ключевые показатели эффективности, а также на неравенство, бедность, безработицу, доступность благ и услуг. Рассмотрение форм перераспределения будет выстроено от наиболее масштабных к наименее масштабным задачам социальной политики, то есть от пенсий и здравоохранения к борьбе с безработицей, пособиям и долгосрочному уходу.

Результаты.

С точки зрения организации, общество благосостояния предполагает участие негосударственных акторов в перераспределении посредством корпоративных программ пенсионного и медицинского страхования, обществ взаимопомощи и благотворительности. Реформы, начатые в 1980-е в США и затем воспроизведённые во многих других странах, были нацелены на то, чтобы увеличить роль негосударственных акторов и сократить государственное перераспределение. Эти реформы обычно опирались на старые доводы, использованные ещё в XIX веке. Г. Гиммельфарб, один из представителей американского неоконсерватизма, в 1994 году выпустила книгу «Деморализация общества: от викторианских добродетелей к современным ценностям». Государственная система социального обеспечения там названа контрпродуктивной, поскольку она создаёт стимулы получать поддержку, усиливает зависимость, содействует росту преступности и формирует отдельный низший класс в обществе [29, p. 243]. В качестве альтернатив государственному перераспределению неоконсерваторы предлагали благотворительность. Н. Гингрич в книге «Обновить Америку» призывал заменить государство благосостояния обществом возможностей [20, p. 71]. Снижение налогов и отмена программ перераспределения должны были содействовать предпринимательской инициативе, а рост предложения должен был сделать приобретение товаров и услуг более доступным для граждан [23, p. 100].

В США и Британии в 1970-е и 1980-е были проведены изменения законодательства, связанного с пенсиями, для снижения нагрузки на государственные пенсионные программы.

В США были в 1978 году введены налоговые льготы для пенсионных счетов, статья 401(k) налогового кодекса, по которой работник, по согласованию с работодателем, мог вносить средства на пенсионные счета, и эти взносы снижали налогооблагаемую базу налога на доход [51].

В Британии в 1980-е гг. был снижен темп индексации пенсионных выплат, что позволило преодолеть дефицит государственного пенсионного фонда. В 1986 году были введены личные пенсии, работники могли выбирать, как будут управляться те средства, которые они отдают в пенсионные фонды [50].

В США и Британии почти половина пенсий в настоящее время выплачивается из негосударственных источников, в Японии – около трети.

Хотя многие страны в 90-е гг. и первые десятилетия XXI века пытались создавать налоговые льготы для частных пенсий, значение частных пенсий в остальных странах ОЭСР остаётся сравнительно небольшим и в среднем составляет около 15% от общей суммы пенсионных выплат. Оценка эффективности пенсионных систем, то есть сравнение доли бедных среди населения пенсионного возраста и доли бедных среди всего населения, не показывает корреляции с уровнем частных пенсионных выплат.

Среди стран с существенной ролью частных пенсионных схем существуют и такие страны, где доля бедных среди пожилого населения ниже, как Канада, и страны, где доля бедных среди пожилого населения выше, как Британия. В среднем, для стран с наименьшим уровнем бедности среди пожилого населения, как скандинавские страны, характерно преобладание государственных пенсий [40]. Статистика ОЭСР показывает, что приватизация пенсионных схем – возможный вариант снижения нагрузки на бюджет при наличии адекватной финансовой инфраструктуры, на данный момент доступной для ключевых мировых финансовых центров.

Оценка качества системы здравоохранения может проводиться по корреляции между ожидаемой продолжительностью жизни и медицинскими расходами на душу населения. При росте расходов на здравоохранение до 5-7 тысяч долларов на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни растет до 80 лет, выше этого уровня расходов корреляция исчезает. В США уровень расходов на душу населения вдвое больше, чем в Европе, а ожидаемая продолжительность жизни на 3% меньше (78,9 против 81,5). Оценка влияния преобладающей формы здравоохранения – частной или государственной – и ожидаемой продолжительности жизни показывает небольшое преимущество тех стран, в которых доля государственных расходов выше. Средняя ожидаемая продолжительность жизни среди тех стран ОЭСР, в которых доля государственных расходов составляет 70% и менее – 80,5 лет, средняя ожидаемая продолжительность жизни среди тех стран ОЭСР, в которых доля государственных расходов составляет более 70% – 81,5. Ещё сильнее разница между этими категориями стран по уровню смертности от предотвратимых причин на 100 000 населения – 250 для первых стран, 200 для вторых. Самую сильную связь с продолжительностью жизни и уровнем смертности показывает доля населения с лишним весом, то есть разница между Японией и Кореей и США отражает не только различия в организации систем здравоохранения, но и качество питания. Связь между формой организации в здравоохранении и временем ожидания услуг показывает смешанные результаты. Время ожидания врача общей практики в Британии с государственным NHS и в США с частным здравоохранением примерно совпадает, но в системах с высокой долей частного здравоохранения время ожидания услуг специалиста в среднем ниже, чем в системах с высокой долей государственного здравоохранения. Одна из наиболее политически значимых метрик в сфере здравоохранения – доля граждан, столкнувшаяся с чрезвычайными расходами на медицинские

© Подольский В.А., 2026

услуги, которая в среднем тем выше, чем ниже доля государственных расходов на здравоохранение [39]. Разница в ключевых показателях систем здравоохранения говорит скорее в пользу государственной организации финансирования медицины, но отдельные системы, например, швейцарская, показывают, что эффективная работа также возможна и при преобладании частного финансирования.

Оценка эффективности вовлечения граждан в работу систем здравоохранения показывает смешанные результаты. С одной стороны, учёт обратной связи позволяет повышать качество предоставляемых услуг [17]. С другой стороны, британский и канадский опыт организации расширенного участия граждан или выборных структур, отвечающих за функционирование учреждений здравоохранения, может считаться скорее неудачным.

В Британии попытки расширения участия общества в обеспечении работы системы здравоохранения, в частности, создания органов общественного контроля, предпринимались несколько раз с 1974 года, но в 2025 году были свёрнуты [24]. В Канаде эксперименты по работе выборных советов по здравоохранению были проведены в нескольких штатах в 1990-е гг. в попытке экономии средств, но не были признаны успешными [18].

Высокие результаты показывают системы здравоохранения в Швеции и Германии, где в системе управления присутствует сильная децентрализация и роль негосударственных структур соответственно. В Швеции система здравоохранения и долгосрочного ухода управляется в основном на муниципальном уровне [47]. В Германии основную часть решений принимает «объединённый комитет», в который входят представители врачей, больниц и страховщиков, хотя министерство здравоохранения может оспаривать эти решения. Финансирование системы здравоохранения в Германии происходит за счёт страховых взносов граждан, в том числе и получателей пенсий и пособий. Расходы федерального бюджета на здравоохранение – около 1/10 от всей суммы расходов [9].

В сфере трудовых отношений логика общества благосостояния как усиления негосударственных элементов применяется в подходе активирующей социальной политики, также известном как подход социальных инвестиций. Первое употребление термина «активирующая политика» относилось к государственным программам в Швеции в середине XX века, когда для индустриального развития страны требовалась быстрая подготовка кадров, то есть решалась не социальная задача, а экономическая. И теория, и принцип активирующей социальной политики как содействия выходу граждан на рынок труда ради снижения зависимости от государственных трансфертов сложилась в конце XX-начале XXI века. Этот подход пытался примирить сохранение кейнсианских обязательств социального государства и неолиберальные предписания по эффективности функционирования рынка. Согласно А. Хемерийку, одному из теоретиков активирующей социальной политики, задача государства – поддерживать запасы человеческого капитала на протяжении всей жизни – когда люди заводят детей, когда ищут работу, когда выходят на пенсию. Смысл активирующей социальной политики – сделать так, чтобы граждане как можно больше могли работать и платить налоги и как можно реже оказывались в ситуации, когда им может потребоваться помощь. От борьбы с последствиями рисков социальная политика должна перейти к их профилактике. Это означает поддержку образования, от дошкольного образования до программ повышения квалификации, профилактические программы в сфере здравоохранения, условия для быстрого возвращения матерей на рынок труда и стимулы для более позднего выхода на пенсию [27].

Теория социальных инвестиций критиковалась сторонниками теории возможностей А. Сена по двум основным направлениям.

Во-первых, социальное описывалось исключительно в экономических терминах, что могло входить в противоречие с фактическим качеством жизни, то есть благосостоянием населения и жизненными возможностями.

Во-вторых, решения о программах не обсуждались демократически, а предписывались экспертами, что снижало субъектность граждан [7].

В плане конверсии ресурсов в результаты программы активирующей политики показали разную эффективность. После введения программ переквалификации в США в 1970-е гг. и ужесточения правил предоставления помощи безработным в 1990-е гг. в Британии и в 2000-е гг. в Германии уровень безработицы в этих странах снижался [31], но эта динамика может быть объяснена как тенденциями мировой экономики, так и отдачей от активирующих программ. Среди всех программ поддержки семей наибольшее повышение рождаемости приносят такие программы, которые позволяют совмещать работу и уход за детьми, но это повышение крайне незначительно [19]. Рост занятости женщин отражает тоже скорее общие экономические и культурные трансформации в постиндустриальных обществах [44], нежели влияние активирующих программ. Содействие более позднему выходу на пенсию создает вызовы для рынка труда, усложняя поиск работы для молодых сотрудников [6]. Повышение пенсионного возраста позволяет снизить нагрузку на пенсионные фонды, но нередко чревато серьёзными политическими издержками, как показало снижение доверия населения к властям в России в 2018 году [2] или протесты во Франции в 2023 году [55]. Наиболее перспективное направление активирующей социальной политики связано с профилактикой заболеваний. Британское десятилетнее исследование «Новая динамика старения» 2010-х годов показало, что большая часть проблем со здоровьем у пожилых граждан связана не с генетическими предпосылками, а с социальными и поведенческими, а именно проживанием в неблагополучных районах и районах с плохой экологией, стрессом из-за тяжёлой работы, употреблением табака и алко-

© Подольский В.А., 2026

голя, продуктов с избыточным содержанием жира и сахара, отсутствием физической активности. Также фрагментарное или некачественное образование негативно сказывается на когнитивных способностях в пожилом возрасте. Следовательно, надлежащий уровень образования, ограничение потребления вредных продуктов питания, алкоголя и табака, занятия спортом могут продлить здоровую жизнь граждан и снизить нагрузку на пенсионную систему и систему здравоохранения [52].

Принципам общества благосостояния в наибольшей мере отвечают благотворительность и привлечение негосударственных структур к выполнению социальных задач. По данным ОЭСР, больше всего благотворительность и волонтёрство развиты в США [41]. Исторически, социальная поддержка в Америке предоставлялась местными сообществами, а также религиозными организациями, которые возникали в США или прибыли из Британии. Крупнейшие организации – YMCA, «Армия спасения», «Сума самаритянина», «Жильё для человечества» – были созданы христианами [15]. По тратам на социальную благотворительность – более 1% ВВП – США заметно опережают другие государства. Помощь благотворительных организаций – например, в виде еды, поиска работы, медицинских услуг, помощи при строительстве жилья и его восстановлении после стихийных бедствий – получают миллионы американцев, а иногда и жителей других стран [22]. В исследованиях отмечается положительное воздействие благотворительных организаций на уровень гражданской сплочённости и солидарности [35], но ключевой тезис противников государственного перераспределения о том, что благотворительность может полностью заменить государственное вмешательство, был опровергнут ещё в 1930-е годы, когда многие благотворительные фонды разорились из-за последствий великой депрессии и прекратили свою деятельность [51, p. 61]. В ряде случаев, в США благотворительные организации дублируют или дополняют те задачи, которые решает государство, как, например, благотворительные банки еды служат дополнением государственных продуктовых талонов. Но сравнения долей ВВП, которые тратятся на благотворительность и на государственные социальные программы, достаточно для демонстрации того, что благотворительность охватывает лишь малую часть задач, которые решает государственное перераспределение, а раздробленность систем благотворительности показывает, что благотворительная помощь характеризуется меньшей предсказуемостью и неравным качеством и объёмом.

Предоставление пособий и льгот по единообразным правилам может быть обеспечено только государством, хотя различные формы перераспределения по принципу нуждаемости или в качестве вознаграждения могут быть организованы и негосударственными акторами. Для сотрудников предприятий для повышения производительности или удержания кадров могут быть предложены особые условия, например, программы дополнительного медицинского страхования, санаторного лечения, отпуск или пособия [32]. С одной стороны, именно на таких принципах были построены в XIX веке страховые кассы, из которых и возникло социальное государство. С другой стороны, поддержка в виде пособий и льгот чаще предоставляется наиболее квалифицированным и высокооплачиваемым сотрудникам, которые не имеют потребности в помощи. Также для подобных программ перераспределения характерна локальность и неравенство [26]. Место между благотворительностью и пособиями занимали программы городской и религиозной помощи, характерные для Европы до XX века, когда на местном уровне собирались пожертвования для нуждающихся. В ряде случаев эти пожертвования превратились в принудительные налоги, а принятие решений о предоставлении помощи перешло из компетенции попечителей и церковных старост в ведение чиновников [8].

Интеграция негосударственного и государственного перераспределения, в том или ином виде, происходила во всех странах, которые выстраивали системы социальной защиты в XX веке. Программы активирующей социальной политики в конце XX-начале XXI века были нацелены на то, чтобы частично развернуть этот процесс от усиления роли государства к усилению роли негосударственных акторов.

Так, в Нидерландах в начале XXI века был проведён ряд реформ, направленных на то, чтобы заменить систему социального государства «обществом участия». Смыслом активирующих реформ было повышение занятости, снижение спроса на социальную помощь ради сокращения бюджетного дефицита. Социальная поддержка должна была в первую и главную очередь стать сферой личной ответственности граждан, которые должны были заботиться о себе и друг о друге. Профессиональная поддержка и государственная помощь должны были предоставляться в последнюю очередь и на время, когда не справляются рынок и семья. Теоретическая основа общества благосостояния – личная ответственность автономного, расчётливого гражданина, который действует в своих интересах и делает выбор в условиях конкурентной среды. Наиболее яркий пример «общества участия» демонстрирует нидерландская система долгосрочного ухода. Получателям долгосрочной помощи могла предоставляться помощь натурой от муниципалитета или службы медицинского страхования, или они могли использовать «личный бюджет» и приобретать услуги у поставщика по своему выбору. Использование личного бюджета требовало самоорганизации и осведомленности клиента, которые знал бы, какая помощь ему нужна, и мог бы оценить качество помощи. Клиент должен составлять бюджетный план, заключать соглашения об уходе с различными поставщиками услуг и обосновывать расходы персонального бюджета. Сложность оформления персонального бюджета, согласно исследователям социальной поддержки в Нидерландах, вредит солидарности и вызывает неравенство.

© Подольский В.А., 2026

Персональные бюджеты доступны для разных категорий получателей, и внутри этих категорий их в 2010-е использовало от 5% до 16% получателей [12].

Многие задачи в сфере социальной ответственности в Нидерландах в рамках «активирующих» реформ были переданы от центральных властей муниципалитетам. Муниципалитеты решают, содействовать ли опоре нуждающихся в помощи индивидов на собственные силы, то есть ресурсы семьи, друзей и соседей, или привлекать волонтёров, чтобы снижать спрос на услуги профессионалов. Деятельность волонтёров координируется некоммерческими и государственными структурами. Доля населения, задействованного в неформальной или волонтёрской помощи, не изменилась после введения «общества участия» и составляет около 1/6 населения. После децентрализации соотношение волонтеров и профессионалов в социальной сфере, по некоторым подсчётам, ухудшилось. Целью децентрализации было снижение расходов: муниципалитеты получили обязанности, но не ресурсы [35]. «Акт об участии» 2015 года возложил на муниципалитеты ответственность за реинтеграцию всех людей, которые могут работать, но нуждаются в поддержке. Муниципалитеты обязаны предлагать получателям социальной помощи работу, программы обучения, стажировку или языковые курсы. Позднейшие оценки показали, что цель увеличения доступности работы не была достигнута. Шанс получателей социальных пособий найти работу вырос с 7% до 8%, но качество работы ухудшилось, работа стала менее длительной, не гарантируется индивидуализированный подход к поиску работы муниципалитетами [12].

Главный недостаток общества благосостояния, который подчеркивают исследователи активирующей политики в целом и опыта Нидерландов в частности – это неравенство. От программ общества благосостояния больше всего выигрывают те категории населения, которым меньше всего нужна поддержка. Менее обеспеченным членам общества доступно меньше ресурсов, гарантии безопасности у них слабее, состояние их здоровья хуже. В менее благополучных районах сосредотачиваются те проблемы, которые вредят социальной сплочённости, то есть безработица, бедность, преступность. Соседские волонтерские инициативы опираются на социальную сплоченность, которой недостаёт тем районам, где она нужнее всего. Доля волонтёров выше среди людей, которые работают, состоят в браке, имеют детей. Более высокий социальный, культурный и финансовый капитал увеличивает вероятность волонтёрской деятельности. Мотивация волонтеров – социальные сети, то есть вовлечение другими участниками волонтёрской деятельности, чувство долга, стремление к самореализации. Соседская волонтерская активность, согласно ответам волонтёров в опросах исследователей, даёт возможность ощутить чувство гражданского участия [35].

Помимо США и Нидерландов волонтёрская активность распространена во многих других странах, но интеграция гражданских инициатив и государственных механизмов в наибольшей мере воплощена в Японии. Во второй половине XX века в стране распространилось волонтёрство, возникли тысячи организаций, которые помогают пожилым, инвалидам, бедным, семьям с одним родителем. Волонтеры взаимодействуют с государственными структурами, распределение функций и согласование должностей происходит при участии Министерства здравоохранения и благосостояния и местных властей [36]. Активность волонтёров, по оценкам японских организаций, создаёт больший экономический эффект, чем пожертвования на благотворительность (2% ВВП и 1% ВВП соответственно) [21], и при этом позволяет обеспечивать принцип адресной помощи [41, p. 16]. Рост популярности волонтёрства в Японии привлекал большое внимание исследователей, и один из наиболее ценных для проверки концепции общества благосостояния выводов в этих работах состоит в том, что волонтёрство создает пользу не только в сфере применения, но и для самих волонтёров, в частности, пожилых граждан, обеспечивая им возможности содержательного социального участия [49].

Заключение.

Концепция общества благосостояния может быть признана состоятельной, но с существенными уточнениями. Предположения о том, что полная передача функций перераспределения негосударственным акторам позволит повысить эффективность социальных программ, не получают эмпирического подтверждения. Исследования показывают связь между уровнем участия государства в перераспределении и уровнем неравенства, бедности [10], преступности [45], безработицы [11], политической стабильности [54], хотя эта связь не всегда носит линейный характер и скорее отражает общий уровень развития государств, нежели влияние социальных программ на общественное благосостояние. Более показательной может считаться связь между долей государственных расходов в сфере здравоохранения и уровнем смертности, но, например, сильное отставание США от Японии и Кореи может быть связано с большей распространённостью вредных продуктов питания в США, а не только с дисфункциями американской системы здравоохранения. Смешанные результаты показывает проверка ключевого тезиса, на который опиралась критика государства благосостояния в 1970-1990-е годы, а именно влияние масштабных социальных программ на уровень государственного долга, дефицит бюджета, темпы экономического роста. Согласно этому тезису, финансирование социальных расходов за счёт налогов изымает те ресурсы, которые могли бы пойти на развитие производства. В скандинавских странах, где сложились наиболее щедрые социальные программы, темпы роста экономики в последние полвека были меньше американских [28], но уровень государственного долга [37] и дефицита бюджета ниже [38]. Другой основной тезис критики государства благосостояния опирается на утверждение, что щедрые социальные программы снижают мотивацию к труду, вредят се-

© Подольский В.А., 2026

мьям и способствуют росту преступности. Бюрократия, согласно этому тезису, заинтересована в контроле над финансовыми потоками и не заинтересована в результативности программ, а постоянное индексирование пособий и повышение уровня, доход ниже которого считается бедностью, превращает перераспределение в самовоспроизводящийся процесс. Благотворительность должна помогать подлинно нуждающимся, а корпоративные социальные программы – вознаграждать за усердие [23]. Проверка этого тезиса также демонстрирует смешанные результаты. После введения активирующих программ в Европе и США и ужесточения правил помощи безработным в конце XX-начале XXI века безработица снизилась [11], но эта тенденция может отражать общее состояние экономики. Снижение уровня преступности [45] после роста в 1970-1990 [29] может отражать скорее общий рост благосостояния, нежели результативность программ переподготовки. Снижение уровня бедности также сильнее коррелирует с темпами экономического роста, чем с социальными программами, что особенно ярко показывает пример Китая, где перестройка системы социальной политики началась позже, чем снижение уровня бедности [30]. В исследовательской литературе отмечается, что волонтёрство содействует доверию и сплочённости граждан в обществе, хотя благотворное влияние волонтёрства нередко не достигает тех групп, которым поддержка и включение в общественные процессы зачастую нужнее всего [35]. Лишь в ограниченной степени могут быть обоснованы оба варианта критики демократической составляющей социальных программ. С XIX века сторонники минимального государства считали, что всеобщее избирательное право приведёт к разграблению собственности посредством постоянного повышения налогов [16 p. 15], а противники активирующих социальных программ с 1990-х указывали, что решения принимаются экспертами, а не гражданами, подрывая их политическую субъектность [7]. Массовая поддержка сокращения щедрости социальных программ – в первую очередь, из-за снижения налогов – обеспечила республиканцам в США и консерваторам в Британии победу на выборах в 1980-е [42]. Голосование 77% избирателей против всеобщего базового дохода на референдуме в Швейцарии в 2016 году также опровергает утверждение, что идея перераспределения будет пользоваться однозначной поддержкой избирателей [14].

С организационной точки зрения, с середины XX века государство остаётся ключевым актором в сфере перераспределения. Даже в тех случаях, когда программы нацелены на минимальную поддержку и оставляют большое пространство для частной инициативы, государственные правила задают такие рамки, в которых возможно единообразное и повсеместное применение правил в одинаковых ситуациях. Сколько-нибудь масштабные системы горизонтального перераспределения для сохранения своего функционирования в условиях рыночных колебаний в той или иной мере опираются на участие государства. Без государственного вмешательства системы взаимопомощи будут работать с неодинаковой эффективностью и сталкиваться с дефицитом ресурсов. Организационная и финансовая поддержка государства позволяет усиливать горизонтальные системы перераспределения.

Но ценности, которые использовались в концепциях общества благосостояния, находят свое отражение в формах социального взаимодействия. Использование корпоративных социальных программ содействует лояльности сотрудников и устойчивости занятости. Участие муниципальных структур и граждан в управлении учреждениями здравоохранения содействует адаптации услуг к запросам потребителей. Вовлеченность в благотворительные программы содействует не только преодолению кризисных жизненных ситуаций, но и сохранению солидарности и горизонтальных связей. Концепция общества благосостояния имеет большую ценность для точной настройки программ перераспределения, укрепления гражданской сплочённости и политической стабильности.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Григорьева И.А., Парфенова О.А. Социально ориентированные НКО и социальные предприятия как драйверы разгосударствления социального обслуживания: барьеры и возможности // Журнал исследований социальной политики. 2021. №1. С. 7-22. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22 EDN: UVJYKL

2. Ильин В. А., Морев М. В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. № 4. С. 9-34. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.1 EDN: XYLIXR

3. Лапин Н.И. Формирование социального государства – способ успешной эволюции общества // Социологические исследования. 2018. № 8. С. 3-11. DOI:10.31857/S013216250000758-6 EDN: YCNEKD

4. Охошин О.В. «Общество соучастия» как новая концепция социальной политики на примере Великобритании (1995–2005 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. №13 (114). С. 221-234. EDN: RLYGJH

5. Яковлев Л.С. К вопросу о методологии оценки социально-экономической эффективности социальной политики // Материалы XX Национальной научной конференции с международным участием «Россия: тенденции и перспективы развития». Москва: ИНИОН РАН, 2021. С. 274-278. EDN: CHWIRC

© Подольский В.А., 2026

6. Ages, Generations and the Social Contract. The Demographic Challenges Facing the Welfare State / Ed. by J. Véron, S. Pennec, J. Légaré. Dordrecht: Springer, 2007. xv, 390 p.

7. Bonvin J.-M., Laruffa F. Disputing the economization and the depoliticization of 'social' investment in global social policy // The struggle for social sustainability. Moral conflicts in global social policy / Ed. by C. Deeming. Bristol: Policy press, 2021. p. 73-88.

8. Brundage A. The English Poor Laws, 1700–1930. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. 192 p.

9. Busse R., Blüme M. Germany. Health system Review. Health Systems in Transition. 2014. Vol. 16. No. 2. 296 p.

10. Cammeraat E. The relationship between different social expenditure schemes and poverty, inequality and economic growth // International Social Security Review. 2020. №. 2. P. 101–123. DOI:10.1111/issr.12236

11. Çelikay F. Social spending and chronic unemployment: Evidence from OECD countries // Review of Economics and Political Science. 2023. № 2. P. 86-107, DOI:10.1108/REPS-02-2022-0020

12. Delsen L. The demise of the participation society. Welfare state reform in the Netherlands: 2015-2020. DP 07/2021-007. Tilburg: Netspar, 2021. 47 p.

13. Doorn J., van. Welfare State and Welfare Society: The Dutch Experience // The Netherlands Journal of Sociology. 1978. №. 14. P. 1-18.

14. Elm E., von. Switzerland voted against a universal basic income // British Medical Journal. 2017. 356. 191. DOI:10.1136/bmj.j191

15. Encyclopedia of Christianity in the United States / Ed. by G.T. Kurian, M.A. Lamport. Lanham: Rowman and Littlefield, 2016. lxix, 2777 p.

16. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1996. 257 p.

17. Fredriksson M., Sampaio F., Moberg L. The impact of patient and public involvement in healthcare services: A conceptual review spanning social sciences and health sciences // Qualitative Research in Health. 2025. № 7. DOI:10.1016/j.ssmqr.2024.100517

18. Gauld R. Are elected health boards an effective mechanism for public participation in health service governance? // Health Expectations. 2010. №. 13. P.369–378.

19. Gauthier A.H., Gietel-Basten S. Family Policies in Low Fertility Countries: Evidence and Reflections // Population and Development Review. 2025. 51. P. 125-161. DOI:10.1111/padr.12691

20. Gingrich N. To Renew America. N. Y.: Harper Collins, 1995. xii, 261 p.

21. Giving Japan 2010. Tokyo: Japan Fundraising Association, 2011.

22. Giving USA 2019: The Annual Report on Philanthropy for the Year 2018. Indianapolis: Lilly family school of philanthropy, 2019. 402 p.

23. Glazer N. The limits of social policy. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 224 p.

24. Graham C., Coulter A. Transparency, voice, and choice: patients must lead on the path to quality improvement in the NHS // British Medical Journal. 2025;390:r1949 DOI:10.1136/bmj.r1949

25. Harris B. Social security, full employment and voluntary action: The three pillars of William Beveridge's welfare society // Social Policy & Administration. 2022. №2. P. 203–216. DOI:10.1111/spol.12776

26. Haveman H.A. Organizations and Economic Inequality // Journal of Organizational Sociology. 2025. №. 1. P. 1-25. DOI:10.1515/joso-2024-0020

27. Hemerijck A. Towards a European Union of Social Investment Welfare States // Intereconomics. 2023. №. 5. P. 233–239. DOI:10.2478/ie-2023-0049

28. Heylen F., Mareels M., Langenhove C., van. Long-run perspectives on r − g in OECD countries: An empirical analysis // Journal of International Money and Finance. 2024. 145 103093 DOI:10.1016/j.jimonfin.2024.103093

29. Himmelfarb G. The de-moralization of society. From victorian virtues to modern values. N.Y.: Vintage books, 1994. viii, 312 p.

30. Hu A., Zhou S. China in 2035. Towards a Society of Common Prosperity for All. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. xxiv, 189p.

31. Irandoust M. Active labor market as an instrument to reduce unemployment // Journal of Government and Economics. 2023. № 9. DOI:10.1016/j.jge.2023.100065

32. Jupiter H., Othman I. W., Esa M. S., Mokhtar S. Tracing The Evolution Of Corporate Social Responsibility: A Historical Review // International Journal of Entrepreneurship and Management Practices. 2024. №. 7. P. 218-232. DOI:10.35631/IJEMP.728016

33. Kongshøj K. Social policy in a future of degrowth? Challenges for decommodification, commoning and public support // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. №. 1. DOI:10.1057/s41599-023-02255-z

34. Lane J.-E., Maeland R. Welfare States or Welfare Societies? // Statsvetenskaplig Tidskrift. 1998. №. 2. P. 145-165.

35. Lanen S., van., Nieuwenhuis J., Dijk M.D., van. Limits to Participation: Neighbourhood- Based Volunteer Initiatives and Contradictions of the Dutch Participation Society // Area. 2026. №. 1. DOI:10.1111/area.70102

36. Neary I. The State and politics in Japan. Cambridge: Polity Press, 2019. 320 p.

37. OECD Global Debt Report 2026. Sustaining Debt Market Resilience Under Growing Pressure. Paris: OECD Publishing, 2026. 160 p.

38. OECD Government at a Glance 2025. Paris: OECD Publishing, 2025. 249 p.

39. OECD Health at a glance 2025. Paris: OECD Publishing, 2025. 244 p.

40. OECD Pensions at a glance 2025. Paris: OECD Publishing, 2025. 248 p.

41. OECD. Unleashing the potential of volunteering for local development. An international comparison of trends and tools. Paris: OECD Publishing, 2024. 55 p.

42. Pierson P. Dismantling the welfare state? Reagan, Thatcher, and the politics of retrenchment. N.Y.: Cambridge University Press, 1994. viii, 213 p.

43. Robson W.A. Welfare State and Welfare Society. Illusion and Reality. L.: George Allen and Unwin, 1976. 184 p.

© Подольский В.А., 2026

44. Rodger J.J. From a welfare state to a welfare society. The changing context of social policy in a postmodern era. Basingstoke: Macmillan Press, 2000. ix, 206 p.

45. Rudolph M., Starke P. How does the welfare state reduce crime? The effect of program characteristics and decommodification across 18 OECD-countries // Journal of Criminal Justice. 2020. 68. DOI:10.1016/j.jcrimjus.2020.101684

46. Skocpol T. A Society without a 'State'? Political Organization, Social Conflict, and Welfare Provision in the United States // Journal of Public Policy. 1987. №. 4. P. 349-371. DOI:10.1017/S0143814X00004554

47. Sun X. World Health Systems. Hoboken: Wiley, 2020. 1168 p.

48. Takahashi M. The emergence of welfare society in Japan. Aldershot: Avebury, 1997. ix, 260 p.

49. Tamura M., Nakagomi A., Ide K., Kondo K., Ojima T., Takasugi T., Shiba K. Volunteer group participation and subsequent health and well-being among older adults in Japan: An outcome-wide longitudinal approach // Archives of Gerontology and Geriatrics. 2024. 126. 105537. DOI:10.1016/j.archger.2024.105537

50. Thane P. The rise and fall of the British welfare state. From poverty in 1900 to poverty in 2023. L. : Bloomsbury Academic, 2023. ix, 301 p.

51. The oxford handbook of U.S. social policy / Ed. by D. Béland, C. Howard, K.J. Morgan. N.Y.: Oxford University Press, 2015. xi, 668 p.

52. Walker A. Ageing sustainably // The struggle for social sustainability. Moral conflicts in global social policy / Ed. by C. Deeming. Bristol: Policy press, 2021. p. 155-176.

53. Walters W. The Active Society: New Designs for Social Policy // Policy and Politics. 1997. №. 3. P. 221-234.

54. Walton O. Social Welfare, Conflict, and Conflict Prevention: A Literature Review. University of Birmingham MENASP Working Paper 2. 2025. DOI:10.48352/uobxmenasp.0024

55. Yang Z. The Impact of Population Aging on the French Economy // Advances in Economics Management and Political Sciences. 2024. №. 1. P. 202-206. DOI: 10.54254/2754-1169/2024.18589

References

1. Grigorieva I.A., Parfenova O.A. Socially-oriented NPOs and social enterprises as drivers of denationalization in social services: barriers and opportunities // The Journal of social policy studies. 2021. No 1. P. 7-22. DOI: 10.17323/727-0634-2021-19-1-7-22 EDN: UVJYKL

2. Ilyin V.A., Morev M.V. Pension reform and exacerbating issues of the legitimacy of the government // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2018. No. 4. P. 9-34. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.1 EDN: XYLIXR

3. Lapin N.I. Formation of a social state as a way of successful evolution of society // Sociological Studies. 2018. No. 8. P. 3-11. DOI: 10.31857/S013216250000758-6 EDN: YCNEKD

4. Ohoshin, O.V. 'Participation society' as a new social policy concept. The example of the Great Britain (1995-2005) // RSUH/RGGU Bulletin: Literary Teory. Linguistics. Cultural Studies Series. 2013. No. 13. P. 221-234. EDN: RLYGJH

5. Yakovlev L.S. On the issue of methodology for assessing the socio-economic effectiveness of social policy // Proceedings of the 20th national scientific conference with international participation "Russia: Trends and development prospects". Moscow: INION RAN, 2021. P. 274–278. EDN: CHWIRC

6. Ages, Generations and the Social Contract. The Demographic Challenges Facing the Welfare State / Ed. by J. Véron, S. Pennec, J. Légaré. Dordrecht: Springer, 2007. xv, 390 p.

7. Bonvin J.-M., Laruffa F. Disputing the economization and the depoliticization of 'social' investment in global social policy // The struggle for social sustainability. Moral conflicts in global social policy / Ed. by C. Deeming. Bristol: Policy press, 2021. p. 73-88.

8. Brundage A. The English Poor Laws, 1700–1930. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2002. 192 p.

9. Busse R., Blüme M. Germany. Health system Review. Health Systems in Transition. 2014. Vol. 16. No. 2. 296 p.

10. Cammeraat E. The relationship between different social expenditure schemes and poverty, inequality and economic growth // International Social Security Review. 2020. №. 2. P. 101–123. DOI:10.1111/issr.12236

11. Çelikay F. Social spending and chronic unemployment: Evidence from OECD countries // Review of Economics and Political Science. 2023. № 2. P. 86-107, DOI:10.1108/REPS-02-2022-0020

12. Delsen L. The demise of the participation society. Welfare state reform in the Netherlands: 2015-2020. DP 07/2021-007. Tilburg: Netspar, 2021. 47 p.

13. Doorn J., van. Welfare State and Welfare Society: The Dutch Experience // The Netherlands Journal of Sociology. 1978. №. 14. P. 1-18.

14. Elm E., von. Switzerland voted against a universal basic income // British Medical Journal. 2017. 356. 191. DOI:10.1136/bmj.j191

15. Encyclopedia of Christianity in the United States / Ed. by G.T. Kurian, M.A. Lamport. Lanham: Rowman and Littlefield, 2016. lxix, 2777 p.

16. Esping-Andersen G. The Three Worlds of Welfare Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1996. 257 p.

17. Fredriksson M., Sampaio F., Moberg L. The impact of patient and public involvement in healthcare services: A conceptual review spanning social sciences and health sciences // Qualitative Research in Health. 2025. № 7. DOI:10.1016/j.ssmqr.2024.100517

18. Gauld R. Are elected health boards an effective mechanism for public participation in health service governance? // Health Expectations. 2010. №. 13. P.369–378.

19. Gauthier A.H., Gietel-Basten S. Family Policies in Low Fertility Countries: Evidence and Reflections // Population and Development Review. 2025. 51. P. 125-161. DOI:10.1111/padr.12691

20. Gingrich N. To Renew America. N. Y.: Harper Collins, 1995. xii, 261 p.

21. Giving Japan 2010. Tokyo: Japan Fundraising Association, 2011.

22. Giving USA 2019: The Annual Report on Philanthropy for the Year 2018. Indianapolis: Lilly family school of philanthropy, 2019. 402 p.

23. Glazer N. The limits of social policy. Cambridge: Harvard University Press, 1988. 224 p.

© Подольский В.А., 2026

24. Graham C., Coulter A. Transparency, voice, and choice: patients must lead on the path to quality improvement in the NHS // British Medical Journal. 2025;390:r1949 DOI:10.1136/bmj.r1949

25. Harris B. Social security, full employment and voluntary action: The three pillars of William Beveridge's welfare society // Social Policy & Administration. 2022. №2. P. 203–216. DOI:10.1111/spol.12776

26. Haveman H.A. Organizations and Economic Inequality // Journal of Organizational Sociology. 2025. №. 1. P. 1-25. DOI:10.1515/joso-2024-0020

27. Hemerijck A. Towards a European Union of Social Investment Welfare States // Intereconomics. 2023. №. 5. P. 233–239. DOI:10.2478/ie-2023-0049

28. Heylen F., Mareels M., Langenhove C., van. Long-run perspectives on r − g in OECD countries: An empirical analysis // Journal of International Money and Finance. 2024. 145 103093 DOI:10.1016/j.jimonfin.2024.103093

29. Himmelfarb G. The de-moralization of society. From victorian virtues to modern values. N.Y.: Vintage books, 1994. viii, 312 p.

30. Hu A., Zhou S. China in 2035. Towards a Society of Common Prosperity for All. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. xxiv, 189p.

31. Irandoust M. Active labor market as an instrument to reduce unemployment // Journal of Government and Economics. 2023. № 9. DOI:10.1016/j.jge.2023.100065

32. Jupiter H., Othman I. W., Esa M. S., Mokhtar S. Tracing The Evolution Of Corporate Social Responsibility: A Historical Review // International Journal of Entrepreneurship and Management Practices. 2024. №. 7. P. 218-232. DOI:10.35631/IJEMP.728016

33. Kongshøj K. Social policy in a future of degrowth? Challenges for decommodification, commoning and public support // Humanities and Social Sciences Communications. 2023. №. 1. DOI:10.1057/s41599-023-02255-z

34. Lane J.-E., Maeland R. Welfare States or Welfare Societies? // Statsvetenskaplig Tidskrift. 1998. №. 2. P. 145-165.

35. Lanen S., van., Nieuwenhuis J., Dijk M.D., van. Limits to Participation: Neighbourhood- Based Volunteer Initiatives and Contradictions of the Dutch Participation Society // Area. 2026. №. 1. DOI:10.1111/area.70102

36. Neary I. The State and politics in Japan. Cambridge: Polity Press, 2019. 320 p.

37. OECD Global Debt Report 2026. Sustaining Debt Market Resilience Under Growing Pressure. Paris: OECD Publishing, 2026. 160 p.

38. OECD Government at a Glance 2025. Paris: OECD Publishing, 2025. 249 p.

39. OECD Health at a glance 2025. Paris: OECD Publishing, 2025. 244 p.

40. OECD Pensions at a glance 2025. Paris: OECD Publishing, 2025. 248 p.

41. OECD. Unleashing the potential of volunteering for local development. An international comparison of trends and tools. Paris: OECD Publishing, 2024. 55 p.

42. Pierson P. Dismantling the welfare state? Reagan, Thatcher, and the politics of retrenchment. N.Y.: Cambridge University Press, 1994. viii, 213 p.

43. Robson W.A. Welfare State and Welfare Society. Illusion and Reality. L.: George Allen and Unwin, 1976. 184 p.

44. Rodger J.J. From a welfare state to a welfare society. The changing context of social policy in a postmodern era. Basingstoke: Macmillan Press, 2000. ix, 206 p.

45. Rudolph M., Starke P. How does the welfare state reduce crime? The effect of program characteristics and decommodification across 18 OECD-countries // Journal of Criminal Justice. 2020. 68. DOI:10.1016/j.jcrimjus.2020.101684

46. Skocpol T. A Society without a 'State'? Political Organization, Social Conflict, and Welfare Provision in the United States // Journal of Public Policy. 1987. №. 4. P. 349-371. DOI:10.1017/S0143814X00004554

47. Sun X. World Health Systems. Hoboken: Wiley, 2020. 1168 p.

48. Takahashi M. The emergence of welfare society in Japan. Aldershot: Avebury, 1997. ix, 260 p.

49. Tamura M., Nakagomi A., Ide K., Kondo K., Ojima T., Takasugi T., Shiba K. Volunteer group participation and subsequent health and well-being among older adults in Japan: An outcome-wide longitudinal approach // Archives of Gerontology and Geriatrics. 2024. 126. 105537. DOI:10.1016/j.archger.2024.105537

50. Thane P. The rise and fall of the British welfare state. From poverty in 1900 to poverty in 2023. L. : Bloomsbury Academic, 2023. ix, 301 p.

51. The oxford handbook of U.S. social policy / Ed. by D. Béland, C. Howard, K.J. Morgan. N.Y.: Oxford University Press, 2015. xi, 668 p.

52. Walker A. Ageing sustainably // The struggle for social sustainability. Moral conflicts in global social policy / Ed. by C. Deeming. Bristol: Policy press, 2021. p. 155-176.

53. Walters W. The Active Society: New Designs for Social Policy // Policy and Politics. 1997. №. 3. P. 221-234.

54. Walton O. Social Welfare, Conflict, and Conflict Prevention: A Literature Review. University of Birmingham MENASP Working Paper 2. 2025. DOI:10.48352/uobxmenasp.0024

55. Yang Z. The Impact of Population Aging on the French Economy // Advances in Economics Management and Political Sciences. 2024. №. 1. P. 202-206. DOI:10.54254/2754-1169/2024.18589

Информация об авторе:
Подольский Вадим Андреевич, кандидат политических наук, доцент факультета политологии Государственного академического университета гуманитарных наук, ORCID 0000-0002-1659-9025,E-mail: deomniscibili@yandex.ru
Vadim A. Podolsky, Candidate of Political Sciences, Associate Professor at the Faculty of Political Science of the State Academic University of Humanities.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 14.10.2026;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 29.10.2026;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.11.2026.
Автором окончательный вариант рукописи одобрен.

© Подольский В.А., 2026